

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

НА СЕЛЕ

Часть сборника: Деревенские панорамы (сборник)

**Николай Георгиевич Гарин-
Михайловский**
На селе

**Серия «Деревенские
панорамы», книга 4**

Аннотация

«Деревенское начальство само же и запустило подать, а тут стукнули: дай да подай; вынь да положь. Черкасским, тем хорошо – машина у них – то же город: хлеб сорок семь копеек, на две копеечки всего против города дешевле, а из медвежьего угла у тебя-то и всего семьдесят верст, а сыпь Ивану Васильевичу по двадцать семь копеек. Там соль тридцать пять копеек, тут пятьдесят, там «карасин» две копейки фунт, тут пятак тот же Иван Васильевич рвет. Черкасский сто пудов хлеба смотал – в развязке с податью, а ты ее половину всего отдал...»

Николай Гарин- Михайловский

На селе

Деревенское начальство само же и запустило подать, а тут стукнули: дай да подай; вынь да положь. Черкасским, тем хорошо – машина у них – то же город: хлеб сорок семь копеек, на две копейки всего против города дешевле, а из медвежьего угла у тебя-то и всего семьдесят верст, а сыпь Ивану Васильевичу по двадцать семь копеек. Там соль тридцать пять копеек, тут пятьдесят, там «карасин» две копейки фунт, тут пятак тот же Иван Васильевич рвет. Черкасский сто пудов хлеба смотал – в развязке с податью, а ты ее половину всего отдал.

А подать одна у всех. Этак сказать, за тех черкасских всю подать машина платит, те вон и назмить на досуге стали, а ты и поспевай за ними со своим одром, как знаешь. Так у машины и думка одна, а одра-то своего хоть на части рви.

Худо жить в медвежьем углу: работы выше горла, а в каждом деле рубль на полтину перебит, а то и на четвертак: продал дешево, купил дорого. А на землю опять цена повыше пригородной. Оно, конечно, было время, была земелька. Крепостными были, на хорошенькую земельку господа согнали народу. А тут воля пришла, а земля – только гляди

на нее, – на большой надел много ли вышло? А и вышли – народу-то удвоилось, а то и утроилось – по десятинке на душу не выходит. А жить надо. Крестьянину, если не сеять, – чем заниматься? Покупать надо землю. А сунься-ка ее купить?! За старую на один хлеб десять – двенадцать рублей, а залежь восемнадцать – двадцать, залог все тридцать отдашь. Вот куда выскочило: навечно, как на волю шли, по пятнадцати рублей назначали, а сейчас сколько их по пятнадцати передал, а земля все не твоя. Так ведь было бы платить за что! Прямо сказать, отбилась земля: бывало, на плохой неисжатый хлеб стоит, а теперь с хорошей, если урвешь восемьдесят пудов – крестись двумя руками. А восемьдесят пудов во что станут? Земля двенадцать, пашня с бороньбой, кому не надо, – пять рублей, семена, вон, с осени двадцать пять – тридцать мотаешь, а весной семь гривен отдай, а их двенадцать пудов надо – восемь рублей сорок копеек. Жнитво в пяти рублях хоть обложить, снопы да молотьба – пять, вот тебе и тридцать пять рублей. Пуд самому сорок пять копеек встал – городская цена... Сыпь по двадцать семь копеек. И много работы, да вся на людей она, – мимо бежало, да в рот не попало... Эх, счастье черкасским! Свет открытый, купцы из города амбары понастроили, а к тебе в отрезанное место кто заглянет?

Кулаки да прасолы, – им найдено.

Как узнали, что подать собирают, как коршуны, слетелись. Третью часть скотины угнали тогда из деревни. А скупали-то

как? Первая лошадь в двадцати рублях шла, телка шесть – восемь... А сунься ее назад покупать – и все двадцать отдашь.

А на весну голод. Осенью за двадцать четыре копейки мотали, а тут девять гривен, к осени рубль двадцать копеек, зимой рубль семьдесят копеек. Тут пять податей заплатил бы тем же хлебом и сам сыт был бы, а теперь свой же хлеб за восьмерную цену покупай назад. А покупалок-то где взять? Иван Васильевич – вон полтора пуда за десятину жнитва дает, а люди летом по восемь – десять рублей гресть станут! Вот таким молотом-то со всех сторон как по заливку начнет хлопать – тут и выворачивайся, как знаешь.

Приехал тут один господин, – отчего плохо живете? Мы ему, как путному, по пальцам пересчитали.

Послушал, послушал:

– Неверно, машиной извоз подорвете...

И грех и смех. Мы-то, мужики, и то разобрались, ты ж ученый, мозги-то твои при тебе. Извоз?! Придет, конечно, извоз: ему же, Ивану Васильевичу, свой же хлеб повезешь за шесть копеек – четырнадцати копеек с пуду-то уж нет, а харч, а полон, а лошадь изведется, а дома дело кто править станет? Другой об назме толкует: тут на речку вывезти навоз время не урвешь – вези еще его за три версты в поле. Эхе-хе-хе! Толковать-то вас, не зная дела, много охотников, – вникнуть да разобраться только вот некому. Беда кругом: встало дело. Растет нужда в народе из года в год, точно хворь какая

негодная. Кто недавно еще в достатке жил, вовсе на нет сошел, а безлошадных больше, чем в городе, стало.

Исаевых дом старинный был, первый дом, – одним годом на нет сошел.

Нелады давно у них шли. Семья большая: за стол 22 рта садилось. Нелады да нелады: ослаб старик, так маленько вроде того что отходить от дел стал; дал волю старшему сыну, а у старшего у самого детей с хозяйкой восемь человек. Младшим братьям обидно: без малого вся работа на него уходит. А праздник придет – старшей снохе да сестрам первая обнова. Младшим снохам опять обида: они за мужей, – братья друг с дружкой схватятся.

Дальше да больше.

– Мы что вас нанялись кормить? Девять ваших ртов, три сестры, двое отец с матерью... Весь год в работе, как каторжные, а что толку?

– Нас двое, – кричит Павел, средний брат, – у Авдея всего ребеночек, Тимофей в солдаты уйдет этой осенью: еще больше того на вас работай. Да еще Николай-то (большак), чем спасибо сказывать, власть забирает. Даве в поле-то при всем народе: «Я те вилами!...» Этак можно?

Николай, желтый, с выпученными напряженными глазами, только смотрит.

– А сам что при народе скандалничаешь?

– Кто скандалничает? Только и сказал, что мало ли вас

тут найдется охотников на чужую работу.

– Ну так вот...

– Ну так что? и сейчас говорю... Пори меня вилами. Не хочу, вот те и сказ! Нас две головы: шутя проживем.

– Проживешь...

– Моя забота: одна голова не бедна, а бедна и одна. А праздник придет, пятака не выпросишь – себе чего удумают, а той – последний подарок: своей шаль, а этой и платка будет.

– Какая шаль, когда в одной цене она с платком?

– В одной цене, так себе платок возьми.

– В одной цене, – вставит Павлова жена и усмехнется.

– Ты чего еще тут? – накинется на нее старшая сноха. –

Надо тебе братьев ссорить.

– А ты что? – загорится Павлова хозяйка. – До коих пор терпеть тебе?!

И пойдет! Ввяжутся другие, – в 22 рта, как примутся друг за дружку, так тут хоть святых выноси.

Старуха тихая, хорошая выйдет в сени, сложит накрест руки: господи ты боже мой, базар, настоящий базар! Люди идут, останавливаются – срам да грех один.

До драки дело дойдет: лезут друг на дружку, глаза повыпачивают, – все пучеглазые – точно им сам дьявол крови своей подбавил вдруг.

Сбились, запутались и об чем ни начнут, всё к тому же съедут. Не жизнь, а каторга, – одно с утра до вечера.

– Тьфу ты, пропасть какая! – отплевывался Николай.

Отплевывался, отплевывался; терпел, терпел и не в силу стало: пусть будет холод, пусть будет голод, да не слышать их проклятых глоток.

– Дели, отец!

Шутка сказать: дели. Пропадает семья.

Плачет старуха, дерет голову старик – все у него бывала повадка этак кверху головой – дери не дери, не уймешь больше: делить надо от греха.

Половина достатка ушло, а ртов две части осталось. И то бы стерпели, если б не подать сгрудили вкруте и случай не вышел такой: считали они недоимку на себе сто двадцать три рубля, а вышло сто восемьдесят семь рублей. А упомнишь как – народ неграмотный. Туда – сюда: Авдей – я не знаю, Павел – я не знаю. Так и ушел хлеб, а из скотины только лошаденка да корова остались. Смотрел, смотрел старик, как забирал кто куда его добро – лошадок да коровок, да овец – да так без памяти и повалился на землю.

С тех пор и наовсе ума решился. Ходит лохматый да страшный, ребятишек по селу пугает... То мелет чего-то такого, что и не поймешь, задумается, а то подскочит:

– А хочешь, я тебе лошаденка, коровок подарю?

С этакой-то оравой сам-одиннадцать и налетел Николай на голодный год. Думали так, этак, а тут все одно к одному так подошло... каждое дело ножом уперлось – ни взад, ни вперед...

Идет разговор о том, что кормить станут, а пока что — хоть землю грызи. Заглянул как-то к Николаю Михайло Филиппыч, староста церковный, — да так и обмер.

Уставились в него со всех концов избы одиннадцать голых: дети да бабы... До конца дней не забыть... Лица темные, а глаза-то точно с другого света глядят. Сам-то, молодой хозяин, сидит на лавке ровно веселый да только ногами болтает.

— Ты что?

— Что... Вот хлеб не едят...

Смотрит Михайло Филиппыч, не поймет в чем дело: потупились все. Вдохнула старуха, взяла со стола ломоть, кажет, тихо, сама не в себе, говорит:

— Михайло Филиппыч, да ведь как же есть-то его?! горсточку одну всыпали муки, а это вот все половина — мякина, да солома... Нутро не принимает! О господи, смерть-то уж скорее бы приходила!..

— Ну так что смерть?! Вот прирежу горла, как курчатам...

Налился, выпятил глаза Николай, дрожит от злости... Сидят, ни живы, ни мертвы. Соскочил с печи старик, подбежал к Михаиле Филиппычу:

— А хочешь, я тебе лошаденка, коровок подарю?

Как закричит Николай:

— Брысь ты!

Опять назад на печку, взлез проворно и глядит оттуда из-за ребятишек: смекает точно что, словно забота какая дони-

мает его.

– Что ты, что ты, господь с тобой? – говорит Михайло Филиппыч. – Ты что ж молчишь-то, сидишь сычом? Что не придешь?

Знает сам, что приходил к нему Николай, да уж так...

– Иди, дам, жив будешь – отдашь...

Не верит Николай. Смотрит в пол, сдвинул брови: господи, неужели его жалеть хотят?! Отпустило ровно что, заплакал даже. Вытирает слезы, размяк:

– Прости христа ради... Невмоготу... Руки на себя наложить хотел: нет силы... Сбирать пошел было, нешто на такую ораву соберешь?! Их услать? близко-то – и у людей нет, подальше – одежи нет... Вот оно, Михайло Филиппыч, как дело поворотилось – году нет... как жили... Думал ли...

Идет от Николая домой Михайло Филиппыч.

– Ах ты... Наказал людей своих господь... Вот оно...

Словно и совестно ему: знает он и сам, что ровно не крестьянским делом занимается, добро свое мотая, – так ведь чего станешь делать, – не может он отказать человеку, а тут еще год такой подошел... Другие вон могут терпеть, а как терпеть? Душа божья по два дня не евши...

А вот Андрей Калиныч у ворот сидит – мимо идти – эх, крепыш мужик:

– Какая нужда!.. – махнет рукой и слушать не хочет...

А всего-то: хозяйка да он... Денег не считано... Десять работников по зимам только держит: в степь гоняет – туда овес,

а оттуда рыбу... Лопатами гребет деньгу, — а попадись ему только!.. Как говорится: лиха беда — сотню сбить, а там и пойдут приставать к куче; деньга деньгу любит, — только умей, да не мотай. И скуп! Куда копит? Хворый сам: рябой да желтый, волосики-то жидкие растреплются, шапку старинную от дедов высокую наденет, круглый год в валенках — все ногами жалуется — идет по селу: вся и цена ему ломаный грош... сунься-ка!.. вот люди говорят: в сотню тысяч не уберешь... Темное богатство: от дедов, — деды и на волю еще вышли... торг у них фальшивыми деньгами был — с того и жить пошли. Даром, что вот такой последний мужичонка с виду, а горд же да едкий... Рассердится, затрусится даже: дрожит, желтыми белками учнет водить. А другой раз заговорит — все присказками — и не поймешь, что к чему у него... умный мужик... власть большую имеет: ровно и дела ему нет ни до чего, а во всем, чуть что, к Андрею Калинычу... Мир без него и дела не сделает... так, словно овцы без козла.

Близко с Михайло Филиппычем и живет. Тут за ним же и Иван Васильевич лавку держит: весь переулочек — всё люди с достатком — так и вытянулся по реке: ехать с той стороны, все шесть изб богатеев на виду. А за ним уж вся деревня — в два порядка потянулась, — один к выгону, а другой в гору, где лес. Те избы, что выше на гору поднялись, только и выглядывают и ровно стыдно им глядеть оттуда, растрепанным да гнилым, на пруд, на дорогу, на поля, на усадьбу барскую, что с садом да с зелеными крышами весело сбежала к пруду.

Идет Михайло и думает: эх, смеются богатеи над ним за его доброту.

– Смеяться-то, конечно, не глядя, можно, а вот как своими-то глазами поглядишь... Даве Николай приходил, грешным делом и не поверил...

Сидит Андрей Калиныч на завалинке, смотрит на свои дрова, что тут же на улице сложены, ровно и не видит шабра. Снял шапку Михайло Филиппыч, поклонился.

Тряхнул головой Андрей Калиныч.

– Откуда бог несет?

Остановился Михайло Филиппович, почесал затылок, подошел к Андрею Калинычу и рассказывает про Николая.

– Вон ты все: какая нужда? А как своими глазами-то увидишь...

Оборвался Михайло Филиппыч, а у Андрея Калиныча словно лихорадка:

– Сжал мужик в ногтях блоху, говорит блоха: «Сила бы во мне – землю подняла бы...»

Замолчал, стиснул зубы Андрей Калиныч, смотрит, смеется стеклянными глазами.

– Гордо-о-сть! на вот тебе... Бог наказал, – «я в обиду не дам»!.. Гордо-о-сть... Тебя господь наказал, ты и терпи... а во мне против бога силы нет... Нет силы, нет...

Ерепенится Андрей Калиныч, елозит, костылем в снег тычет.

Глядит Михайло – уж идет Николай с мешком... Эх, хоть

бы погодил... Увидал Николая и Андрей Калиныч, – затру-
сился, вскочил и заковылял в избу.

Чего-то стал говорить Михайло Филиппыч: и не слушает,
стиснул зубы, боль ровно, а то и вправду, может, боль, машет
рукой:

– Иди...

Стукнул калиткой... Посмотрел Михайло Филиппович, а
у самого на душе беспокойно: отец да дед наживали ему, а
он выгребает... немного уж и осталось... семья невелика –
жена да сынок, а все-таки... в возраст придет сын – корить
станет... Э-эх, а как откажешь?!

А Николай стоит с мешком, ждет, как опять пойдет Ми-
хайло Филиппыч, чтобы следом за ним идти. Смотрит на
Михаила Филиппыча – сейчас хлеб будет... а как раздума-
ет дать? Ох, хоть в гроб ложись... гонит Николай веселую
надежду, а она рвется, вперед забегает: согнулся Николай,
словно поменьше ростом охота стать, – ровно украсть что
собрался.

А Андрей Калиныч уж в избе, в окно глядит да зубами
только от злости поскрипывает, мысли Николая, как в книге,
читает:

«Вот, дескать, думает, дурака нашел... И сам, поди, не ве-
рит».

Пошел дальше Михайло Филиппыч... Как сквозь строй
идет.

Вон выглядывает и Иван Васильевич из лавки:

– Михайлу Филиппычу.

Снял шапку Михайло Филиппыч.

– Откуда бог несет? – пытается Иван Васильевич.

– В одолжение, – нехотя оправдывается Михайло Филиппов.

– Доброе дело, доброе дело... – Будто и ласково говорит, а словно углей подсыпал Михайле Филипповичу: чуть не бегом пошел Михайло. Иван Васильевич прирос и глядит ему вдогонку маленькими масляными глазками, – уши торчат, как у мыши летучей, лицо длинное, лошадиное, оскabилось, зубы белые большие, как жемчуг, во рту.

Зашел во двор Михайло Филиппыч, а немного погода несет уж Николай куль муки. Смотрит ему Иван Васильевич в глаза, в самую глубь проникнуть охота, – делает не то Николаю, не то сам себе лукавое веселое лицо... Чуть-чуть усмехнулся Николай, отводит глаза и спешит пройти мимо.

– О-ох... – взасос тихо тянет Иван Васильевич и приседает даже.

Не вытерпел и Андрей Калиныч: уж ковыляет к Ивану Васильевичу, а тому еще веселее: вот оно когда на досуге настоящая потеха пойдет. Издали еще дергает Андрея Калиныча, тычет вдогонку в спину уходящему Николаю, тычет и рукой и костылем;

– Видал?!

Смеется Иван Васильевич;

– Среди бела дня...

– Волоком волокут!! Тьфу!..

Уж и хозяйка Михаила Филиппыча, человек безучастный к делам, и та попрекнула, увидав, как муж наградил Николая.

Руку за руку заложила:

– Опять!.. Этак все добро растащат... давай им, пожалуй...

Сдвинул только брови Михайло Филиппович и молчит.

Шатается тенью по селу Устинья: не подаст ли кто. Натолкнулась на Драчену. Стоит перед ней серая да надутая Устинья. Надуешься, когда муж бросит с семьей ртами. Шляется, проклятый, и горя ему мало, хоть пропадай здесь у пустого стойла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.